ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-1-13-20>

УДК [947:39](470.6)

Кудаева С.Г.

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПОДДЕРЖАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ)

Кудаева Светлана Григорьевна,

*доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и права
ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия,*

e-mail: svetlana_asku@mail.ru,

тел.: 8 (8772) 52 51 28

Аннотация

В последнее время проблема взаимосвязи монументальной политики и политики исторической памяти все чаще привлекает внимание ученых и общественности. Это обусловлено тем, что периодически возникают конфликтные ситуации, связанные с публично оформленной исторической памятью в виде монументального искусства. В статье предпринята попытка, опираясь на научные концепции М. Хальбвакса, Я. Ассмана и др., осмыслить понятия политики памяти, исторической памяти и их влияние на формирование монументальной политики и культуры коммеморации. Рассмотреть монументальную политику как инструмент политики памяти в контексте современных социально-политических процессов на Кавказе, ее роль в конструировании национальной идентичности, поддержании исторической памяти и влиянии на межэтнические отношения. В ходе исследования автор опирался на метод ретроспективного анализа, т.к. постановка проблемы требовала реконструкции исторического процесса, фиксации имеющихся выводов и их влияние на состояние общественного мнения. Сочетание ретроспективного и проблемно-хронологического методов с принципами историзма и объективности позволило рассмотреть события во взаимосвязи и непредвзято.

Ключевые слова: монументальная политика, политика памяти, историческая память, коммеморация, идентификация, межэтнические отношения.

Для цитирования: Кудаева С.Г. Монументальная политика как фактор формирования политики исторической памяти и поддержания этнической самоидентификации (на примере северокавказских народов) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Том 13, № 1. С. 13–20. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-1-13-20>.

Kudaeva S.G.

**MONUMENTAL POLITICS
AS A FACTOR FOR FORMING HISTORICAL
MEMORY POLICY AND SUPPORTING
ETHNIC SELF-IDENTIFICATION (ON THE EXAMPLE
OF THE NORTH CAUCASIAN PEOPLES)**

Kudaeva Svetlana Grigorievna,

*Doctor of History, a professor, head of the Department of History and Law
FSBEI HE «Maykop State Technological University», Maykop, Russia,
e-mail: svetlana_asku@mail.ru,
tel.: 8 (8772) 52 51 28*

Annotation

The problem of the relationship between monumental politics and the politics of historical memory is increasingly attracting the attention of scientists and the public. This is due to the fact that conflict situations periodically arise associated with publicly formed historical memory in the form of monumental art. The article makes an attempt to comprehend the concepts of politics of memory, historical memory and their influence on the formation of monumental politics and culture of commemoration relying on the scientific concepts of M. Halbwachs, J. Assman and others and to consider monumental politics as an instrument of memory politics in the context of modern socio-political processes in the Caucasus, its role in the construction of national identity, maintaining historical memory and influencing interethnic relations. In the course of the research the author uses the method of retrospective analysis, since the formulation of the problem requires the reconstruction of the historical process, fixation of the available conclusions and their influence on the state of public opinion. The combination of retrospective and problem-chronological methods with the principles of historicism and objectivity has made it possible to consider events in an interconnected and unbiased manner.

Keywords: monumental politics, politics of memory, historical memory, commemoration, identification, interethnic relations.

***For citation:** Kudaeva S.G. Monumental politics as a factor for forming historical memory policy and supporting ethnic self-identification (on the example of the North Caucasian peoples) // Vestnik Majkopskogo Gosudarstvennogo Tehnologičeskogo Universiteta. 2021. Volume 13, No. 1. P. 13–20. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-1-13-20>.*

Введение. Обращение к данной проблеме обусловлено тем, что в последние годы в обществе наблюдаются большие разногласия по поводу публично

оформленной исторической памяти в виде монументального искусства. Имеется в виду установка новых памятников или разрушение старых. Конфликтная

ситуация между памятью и памятниками естественно привлекает внимание общества и ученых, но все еще не получила однозначной оценки. Эта проблема требует серьезного осмысления т.к. отражает не только уровень исторического сознания общества, но, как справедливо отмечает В. Куренной, глубину его зрелости, умение учитывать мнение других общественных групп, даже если таких людей меньшинство. И «если вы ставите памятник, каким-то образом задевающий историческое чувство других своих сограждан, то вы, очевидно, отказываете им в более фундаментальном гражданском единстве» [1].

Такая ситуация характерна и для некоторых северокавказских республик. В данном конкретном случае речь идет о памятнике русским солдатам, погибшим в ходе Кавказской войны, который был установлен в г. Адлере, а позже был демонтирован по просьбе адыгского (черкесского) народа, что вызвало негодование у части общества. Чтобы дать более аргументированное, научное объяснение происходящему необходимо разобраться с интерпретацией такого сложного явления как историческая память и сопряженных с ней монументальной культуры, политики памяти, коммеморации, идентификации. Интерес представляет также их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Материалы и методы. Прежде всего обратимся к истории вопроса. Начало исследованию проблемы исторической памяти положил известный французский ученый начала XX столетия Морис Хальбвакс. Ему принадлежит одно из самых значимых толкований памяти «как социально обусловленного элемента общественного сознания и коллективной идентичности» [2]. Идеи М. Хальбвакса получили дальнейшее развитие в работах Я. Ассмана, П. Нора, П. Хаттона и др. [3]. Опираясь на основные положения этих ученых, попытаемся дать небольшое

теоретическое обоснование комментариям по поводу описываемых событий.

Как считают ученые, память является связующим звеном между прошлым и настоящим. Именно память играет главную роль в поддержании собственной идентичности и сочетании ее с новой в условиях трансформации общества. Интерес представляют формы формирования исторической памяти. Ученые рассматривают коммеморацию как целенаправленную актуализацию истории, то есть увековечение памяти о событиях. Прежде всего, это сооружение памятников, музеев и т.д. И в этом смысле коммеморация без сомнений выступает как важный механизм формирования исторической памяти, но при этом необходимо учесть, что большое влияние на характер коммеморации оказывает политический мотив.

То есть, как справедливо считает О.Ю. Малинова, «прошлое становится символическим ресурсом, с которым работают не только профессиональные историки, но и политики, и общественные активисты. Отстаивая собственные версии «памяти» об исторических событиях и фигурах, они выступают в роли мнемонических акторов (термин введен для обозначения политических сил, заинтересованных в особом понимании прошлого). Так вокруг одних и тех же событий прошлого конструируются различные концепции, что превращает область публичной истории в поле бесконечных символических конфликтов» [4]. В результате можно считать, что прошлое становится предметом политики или политики памяти, которая существенным образом влияет на формирование представления о прошлом и в целом на культурную инфраструктуру памяти, элементами которой могут быть мемориальные комплексы, памятники, музеи и т.д. И естественным продолжением этого процесса является борьба за доминирование в публичном пространстве.

В такой ситуации, если стратегия властных структур того требует, коммеморация становится инструментом политики памяти, что в итоге приводит к конфликту «памятей».

Таким образом, коммеморация, являясь своеобразным фильтром того, что подлежит «забвению», а что «воспоминанию», существенным образом определяет характер монументальной культуры. Ярким примером конфликта «памятей» можно считать установку и демонтаж памятника русским солдатам, погибшим в Кавказской войне. Для более четкого и правильного понимания ситуации необходима историческая справка, то есть краткая реконструкция исторического процесса, о котором идет речь, фиксация имеющихся в науке выводов и их влияние на формирование общественного мнения. Сочетание ретроспективного и проблемно-хронологического методов с принципами историзма и объективности позволяет рассмотреть эти события во взаимосвязи и непрерывности.

Обсуждение и результаты. В задаче внешней политики России XVIII–XIX вв. входило решение большого спектра вопросов, однако, на первом месте была реализация плана колонизации Северного Кавказа и особенно его западной части – Черкесии. В геостратегическом плане значимость Кавказского региона обуславливалась тем, что это был удобный плацдарм для продвижения на Средний и Ближний Восток. Географическое положение Кавказа, окаймленного акваториями Черного, Азовского и Каспийского морей, определяло его геополитическую роль. Являясь своеобразным мостом, связующим Восточную Европу с Передней Азией, в военно-стратегическом смысле он был удобен для выхода к Восточному Средиземноморью и Персидскому заливу, что обеспечивало продвижение вглубь Среднего и Ближнего Востока [5]. Так,

Северо-Западный Кавказ в силу своей стратегической значимости в XIX в. оказался в центре внимания противоборствующих в регионе держав, особенно России и Турции.

Автохтонное население этого региона – адыги (черкесы) – были одним из самых многочисленных народов Кавказа. По сведениям фельдмаршала И.Ф. Паскевича их количество достигало 1 млн. 700 тыс. человек [6]. Территория их расселения простиралась от Анапы до Абхазии, что очень четко просматривается по картам Люлье 1830 года и Фонвиля 1864 года. В этих границах Черкесия продолжала существовать вплоть до второй половины XIX века [7]. Ситуация кардинально меняется с подписанием Адрианопольского договора, которым завершилась очередная Русско-турецкая война 1828–1829 гг. Согласно этому договору вся территория Черкесии отходила во владения Российской империи. Но фактически Османская империя уступала Российской империи земли, которыми не владела. Это подтверждается «Генеральной картой земель, между Черным и Каспийским морями лежащих» 1819 г. известного российского картографа А.И. Хатова, на которой не прослеживается турецкое присутствие. Черкесия на этой карте обозначена как независимая страна. То есть можно считать, что это был своеобразный политический маневр со стороны Российской империи, дававший возможность российскому правительству придать легитимный характер территориальным приобретениям согласно 4 статье Адрианопольского договора [8].

Примечательно, что сами адыги не желали признавать над собой власти ни российской, ни тем более османской. В сложившейся ситуации Россия могла овладеть этой территорией только силовыми методами. С этого момента, можно считать, военные действия со стороны российской империи принимают легальный

характер. Планы царского правительства четко были обозначены в рескрипте Николая I графу И.Ф. Паскевичу: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же главное, а в рассуждении прямых польз важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [9].

Но кульминационным моментом, определившим исход всей военной кампании России на Северо-Западном Кавказе, явились события заключительного этапа войны, то есть с 1856 по 1864 гг. После завершения Крымской кампании обостряется обстановка на Северо-Западном Кавказе. Несмотря на внутривосточные и экономические сложности, вся российская армия была оставлена для завершения затянувшейся и дорогостоящей Кавказской войны. Исход этой военной кампании во многом зависел от того, что с назначением фельдмаршала А.И. Барятинского командующим войсками на последнем этапе тактика ведения войны в Черкесии была кардинально изменена. Был приведен в исполнение план, предложенный графом Н.И. Евдокимовым. Согласно этому плану весь восточный берег Черного моря, то есть Черкесию, предлагалось заселить казачьими станицами, адыги же могли переселиться на равнины или в Османскую империю. А на завершающем этапе даже их покорность и желание переселиться на равнину российским правительством уже не принимались. Условие было одно – переселение в пределы Османской империи.

Специально сформированные отряды Адагумский, Шапсугский, Абадзехский, Даховский и Джубгинский приводили этот план в исполнение. Последние два возглавлял сам граф Н.И. Евдокимов. Со стороны российских войск было выставлено 47 батальонов, 22 эскадрона, 114 сотен, 28 батарейных и облегченных орудий, 30 легких, 28 конных, 36 ракетных станков [10]. Известный военный этнограф и географ М.И. Венюков писал:

«...вслед за войсками тянулись бесчисленные колонны переселенческих транспортов офицерских семейств Кубанского войска, казаков бывшего Черноморского войска, Кавказского линейного, Азовского, Оренбургского, Донского, Уральско-го, женатые солдаты Кавказской Армии, мещане и крестьяне из разных губерний. Всех их предполагалось расселить на землях, освобожденных от адыгов» [11]. Такой натиск никакими усилиями адыги остановить уже не могли.

Изданном в 1914 году в Тифлисе юбилейном издании, посвященном 50-летию окончания Кавказской войны, отмечалось, что «борьба России с горцами Западного Кавказа носила исключительный характер, состоявший в том, что страна завоевывалась и покоренные обитатели ее сейчас же выселялись отсюда... уже одно то, что военные действия на Западном Кавказе сняли (!) с исторической карты некоторые кавказские народности и уничтожили даже память о них (!), говорит о серьезном значении этой последней части Кавказской войны...» [12].

Пожалуй, это один из немногих случаев в мировой истории, когда в ходе завоевания территории автохтонное население практически полностью изгоняется. Но для российского правительства было важно не просто завоевать территорию, но и заселить его единоверными и покорными народами. Еще раз обратимся к Михаилу Ивановичу Венюкову, который очень четко характеризует методы колонизации Северо-Западного Кавказа: «...Если в ходе прежних завоеваний среди непокорных земель строились крепости, как опорные пункты для военных действий, но вокруг них нередко в ближайшем соседстве оставалось население..., то в ходе завоевания Западного Кавказа Евдокимов предпринял совсем иной способ действий. Было решено совершенно вытеснить население Западного Кавказа и заменить его русским» [11].

В результате к концу XIX века их оставалось всего около 60 тыс., что по данным на 1901 г. составляло всего 5,5% населения Кубанской области. По окончании войны на землях адыгов появилось 176 станиц [13].

Описываемые события в итоге привели практически к исходу автохтонного населения. Была полностью нарушена система жизнеобеспечения и жизнедеятельности этноса, а значит и внутренняя социальная архитектура, то есть для адыгов это явилось этноэкологическим кризисом.

Состояние адыгского (черкесского) этноса в настоящее время говорит само за себя. На своей исторической родине их чуть более 700 тысяч, а адыгская (черкесская) диаспора в странах Ближнего и Среднего Востока составляет более 3 миллионов человек. Эти цифры можно не комментировать.

Естественно, восприятие и оценка этих событий царским правительством и пострадавшим народом никак не могут совпадать. Действия российских военачальников, так добросовестно исполнивших волю правительства, были высоко оценены. За предложенный план и его четкое исполнение Н.И. Евдокимов был награжден Александром II Орденом Святого Георгия 2-ой степени.

В российском кавказоведении к настоящему времени сложилась достаточно аргументированная, научная концепция Кавказской войны, истории адыгов (черкесов) XIX века и их эмиграции в пределы Османской империи. Приведем наиболее значимые для данного контекста выводы, полученные автором данной статьи в ходе многолетних исследований:

– представлено системное обоснование взгляда на адыгский этнос как на безусловно автохтонный народ Северного Кавказа, а адыгское общество до переломных событий XIX века доказательно рассмотрено как целостно выстроенная система жизнеобеспечения и

функционирования, не содержащая в себе объективных причин для «вымысливания» значительных групп населения;

– среди не всегда правомерно акцентируемых в исторической науке факторов, якобы в основном обусловивших массовое переселение адыгов (черкесов), в качестве доминирующего и фактора первостепенной и безусловной важности обоснован и логически выделен фактор Кавказской войны;

– синхронно рассмотрены процессы трансформации адыгского общества и разные среды – Российской и Османской империи [14].

Однако практически параллельно в российском кавказоведении формируются кардинально противоположные взгляды (научные школы) на одни и те же события. И в результате, как перманентный процесс – конфликт «памятей» и в науке, и в монументальной культуре. Коммеморация в такой ситуации превращается в какой-то степени в политический процесс. Ведь памятник – это символическая реконструкция прошлого, а значит это форма проявления исторической памяти и поддержания собственной идентификации.

И в данном конкретном случае установление такого памятника – это попытка разрушить, пожалуй, самый устойчивый пласт коллективной памяти народа, в основу которого легли самые трагичные события в исторической судьбе этноса. Именно описанные события получили в исторической памяти народа определенную значимость и ценностное содержание, которое во многом способствует пониманию своего единого прошлого и своей национальной идентичности. Коллективную память, на формирование которой наложили существенный отпечаток столь трагичные события, таким образом «вырубить» невозможно, это просто может привести к необратимым последствиям – нарушению межнациональных отношений.

А монументальная культура должна быть направлена на объединение, на консолидацию общества, а не на разжигание национальной розни.

Заключение. Очевидно, что установление подобного рода памятников всегда направлено на актуализацию исторических событий, их увековечение и является отражением не только уровня исторического сознания общества, но и его духовного состояния. Поэтому, обращаясь к уважаемым оппонентам, мнемоническим акторам, призываю проявить мужество, гражданскую позицию и признать правду истории, проявить уважение к пострадавшему народу, который, несмотря на все сложности, смог успешно инкорпорироваться в политические,

социально-экономические, культурные сферы стран проживания и стать полноценными их гражданами. В настоящее время это высокостатусные группы, достойно представляющие свой этнос, что является свидетельством высокой силы духа и жизнестойкости.

Повернуть историю вспять и прожить эти годы заново невозможно. Но масштабность и трагизм тех событий требуют правдивой оценки со стороны ученых и понимания со стороны общественности. Здесь уместна очень мудрая и поучительная фраза известного ученого, специалиста в области структурной антропологии К. Леви-Стросса: «Никакая часть человечества не может понять себя иначе, как через понимание других народов» [15].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Куренной В. Память против памятника // Российская газета. 2018. № 4 (7537).
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.; Франция-память / Нора П. [и др.]. СПб.: СПб. ун-т, 1999. 328 с.; Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. 424 с.
4. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
5. Дарабади П. Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vesmirbooks.ru/fragments/1425/>.
6. Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. Майкоп, 1994. С. 69.
7. РГВИА. Ф.846.ОП.16.Д.18510.Л.1,14,20; Д. 18511. Л.2; ГАКК.Ф.670.ОП.1 Д.50. Л.84; Ф.261. ОП.1. Д.634. Л.1; Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (адыге), абхазцами (азега) и др., смежными с ними народами // ЗКОРГО. Кн. IV. Тифлис, 1857. С. 173; Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем // РГВИА. Ф. 37. Д. 5. Л. 1-1об.; Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Краснодар, 1927; Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 19; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974.
8. Черкесия в картах XIV–XIX веков / сост. Б. Езбек (Едыдж) [и др.]. Краснодар, 2011. С. 90–91.
9. Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. Т. II. СПб., 1896. С. 229–230.
10. ГАКК, Ф. 347. Оп. 2. Д. 45. Л. 1–7.
11. Венюков М.И. Исторические новости // Вестник Европы. 1890. № 6. С. 750–752.

12. Цит. по: Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 79.
13. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 21.
14. Кудасва С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп, 2014. 387 с.
15. Цит. по: Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы), XIX век: опыт применения антропологического подхода. Москва; Майкоп, 2015. С. 194.

REFERENCES:

1. Kurennoy V. Memory against a monument // The Russian newspaper. 2018. No. 4 (7537).
2. Halbwax M. Collective and historical memory // Emergency reserve. 2005. No. 2–3 (4041). P. 8–27.
3. Assman J. Cultural memory. A letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 368 p.; France-the memory / Nora P. [et al.]. SPb.: SPb. un-ty, 1999. 328 p.; Hatton P. History as the Art of Memory. SPb.: Vladimir Dal, 2003. 424 p.
4. Malinova O.Yu. Commemoration of Historical Events as an Instrument of Symbolic Politics: Possibilities of Comparative Analysis // Polity. 2017. No. 4 (87). P. 6–22.
5. Darabadi P. The Caucasus and the Caspian in the world history and geopolitics of the XXI century [Electronic resource]. Access: <http://www.vesmirbooks.ru / fragments /1425/>
6. Bizhev A.Kh. The Adyghs of the North-West Caucasus and the crisis of the Eastern question in the late 1920s and early 1930s. Maykop, 1994. P. 69.
7. The RSMHA. F.846. OP.16. D.18510. L.1,14,20; D. 18511. L.2; GAKK.F.670.OP.1 D.50. L.84; F.261. OP.1. D.634. L.1; Lyulie L.Ya. General view of the countries occupied by mountain peoples called the Circassians (the Adyghs), the Abkhazians (Azega) and other related peoples // ZKORGO. Book. IV. Tiflis, 1857, p. 173; Notes about Circassia, composed by Khan-Giray // The RSMHA. F. 37. D. 5. L. 1-lob.; Fonville A. The last year of the war of Circassia for independence 1863–1864. Krasnodar, 1927; Gardanov V.K. The social system of the Adygh peoples. M., 1967. P. 19; Volkova N.G. Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – early 20th centuries. M., 1974.
8. The Circassia in maps of the XIV–XIX centuries / comp. by B. Ezbek (Edyj) [et al.]. Krasnodar, 2011. P. 90–91.
9. Shcherbatov A.P. Field Marshal Count Paskevich-Erivansky. V. II. SPb., 1896. P. 229–230.
10. The SAKT, F.347. Op.2. D.45. L. 1–7.
11. Venyukov M.I. Historical news // Bulletin of Europe. 1890. No. 6. P. 750–752.
12. Cit. ex: Pickman A.M. On the struggle of the Caucasian highlanders against the tsarist colonialists // Questions of history. 1956. No. 3. P. 79.
13. The SAKT. F.454. Op.1. D.5299. L.21.
14. Kudaeva S.G. The Adyghs (the Circassians) of the North-West Caucasus in the 19th century: the processes of transformation and differentiation of the Adygh society. Maykop, 2014. 387 p.
15. Cit. ex: Sheudzhen E.A. The Adyghs (the Circassians), XIX century: experience of using the anthropological approach. Moscow; Maykop, 2015. P. 194.